

И В А Н К Р Е С Л О В

18+ ПУТЬ К НОВОМУ ДНЮ

Иван Креслов

Путь к новому дню

«Издательские решения»

Креслов И.

Путь к новому дню / И. Креслов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-554303-5

Вы считаете, что жизнь вас прижала к стенке? Эта книга как никогда нужна тому, кто несмотря на невзгоды и лишения, обрушившиеся на него, остался верен себе. В страшных условиях беды он показал необычайную силу человеческого духа. Дух упрям вопреки слабости тела и расстройству души. Вы увидите не только содержание жизни героя книги, но и характер его действий на вызовы судьбы. Это произведение никого не оставит равнодушным, изменит ваши взгляды и мировоззрение на вашу жизнь и вдохновит.

ISBN 978-5-00-554303-5

© Креслов И.
© Издательские решения

Содержание

путь к новому дню	6
Введение	7
Глава 1. Тяжесть металла	10
Глава 2. Травма	16
Глава 3. Больница	19
Глава 4. Вспоминая детство и армейскую службу	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Путь к новому дню

Иван Креслов

Сергей Григорьевич Шелудько *Корректор*

© Иван Креслов, 2024

ISBN 978-5-0055-4303-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПУТЬ К НОВОМУ ДНЮ

Все права защищены. Данная электронная книга создана только для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения, не подлежат копированию и любому другому использованию без согласия правообладателя. А именно, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут открытыми ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, вне зависимости от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, повторение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и несет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

«Чтобы помочь, не нужно быть богатым, надо быть милосердным». Вырученные денежные средства со скачивания электронной версии данной книги пойдут на помощь людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию.

Введение

*Уже при покачивании колыбели, решается куда склонится чаша
весов судьбы.*

Станислав Ежи Лец, польский поэт.

Посвящаю памяти моей матери Ежовой Галины Михайловны, которая показала мне силу любви к жизни. Образцом подражания для меня являлась мать – добрая, отзывчивая, умная женщина. Она обладала огромной созидательной энергией, достоинством, искренней болью о красоте родного края. Самые лучшие советы я получал от нее. Уважала тактичность, умела видеть хорошее в человеке, не считала свое мнение единственно верным. Учила меня с детства делать добро просто и естественно. Всегда учила меня хорошей жизни, но я не всегда с этим справлялся. Она всегда продолжала учить меня и чаще всего не словами, а своим примером. Лучшим уроком от нее было познание силы безусловной любви. Во всем мире нет ничего сильнее, чем безусловная любовь. Если вы способны на такую любовь, то это может вести вас вперед на протяжении очень долгого времени. Нам суждено терять людей, которых мы любим...

Это значимое произведение для меня, на создание которого ушло пять лет моей жизни. Почему книга достойна прочтения? Вы держите в руках произведение, которое никого не оставит равнодушным, изменит ваши взгляды и мировоззрение на вашу жизнь и обязательно вдохновит. Практические результаты выхода книги мне интересны. Я бы хотел увидеть людей, несущих мой голос. Надеюсь, что качество изложенного текста, будет достаточным для его правильного восприятия читателем. Кому-то она станет дорога по множеству причин. Кто-то увидит в этой книге утрату. По чьему-то мнению, это книга о невыносимой скорби. И кому-то она будет знакома. Вы увидите не только содержание моей жизни, но и характер моих действий на вызовы судьбы. Судьба – это прожитая вами жизнь, которую можно прожить по-разному, борясь за свое лучшее место в ней, не поступаясь при этом общепринятыми человеческими ценностями, не нарушая все мыслимые нормы, существующие в человеческом обществе. Когда садитесь играть с судьбой обратите свое внимание есть ли у вас козыри силы воли, дерзости и азарта. В противном случае вы определенно проиграете.

Я думаю, что будет достойным вашего внимания узнать некоторые обстоятельства моей жизни, многие из которых вы не знаете. Я родился на Южном Урале – сельский мальчик, которого ждал суровый труд и мозоли. С тех пор я многое повидал. И так часто прощался с иллюзиями. Дорогой читатель, я не склонен сочинять и приукрашивать. Никогда прежде я не разговаривал так открыто. Мне бы хотелось кое-что рассказать вам. Все рассказать о себе слишком сложно, да и долго, но определенные моменты я конечно расскажу. Поэтому я решил максимально точно все изложить. И ожидая удовольствие которое я получу от своего досуга, я усаживаюсь за стол и берусь за творение. Я буду чередовать рассказ с диалогом, такой способ пересказа увлекает, берет за душу читателя, который в самых интересных местах ощущает, что он как будто присутствует в группе действующих лиц и находится при их разговоре. Есть текст, но есть к тому же и воображение читателя, которое оживляется в процессе чтения, создавая особое восприятие. А, для того чтобы мои воспоминания дольше сохранились, их лучше передать на бумаге. Писатель всегда собеседник поколения, и лишь в зеркале слова в полной мере отражаются прошлое и настоящее. Буду надеяться, эта книга не просто не оставит вас равнодушным, но и станет тем инструментом, который поможет изменить жизнь в сторону осознанности и смирения. Рассказываемое мной – не мораль и не наставление, не выдуманное утверждение или очередные мерки добра, а простые факты из жизни, из судьбы, если выразиться вернее. Давайте договоримся, что не будем абсолютизировать опыт одного человека,

ведь у каждого свой путь. Вот и эта книга – не истина в окончательной инстанции, а всего лишь рассказ о моем опыте, как если бы мы с тобой, дорогой читатель, сели попить кофе в ресторане и поговорили бы об этом. В процессе написания меня преследовала одна цель: чтобы выбранная информация из моего прошлого была передана без изменений и для каждого из читателей послужила толчком к осмысленности.

Есть и иные причины, подтолкнувшие меня начать создание данной книги. Проводя свое время таким образом, я поступаю характерной для стариков склонности поговорить о себе. Я не буду, надоедать тем, кто из уважения ко мне может считать себя обязанным выслушать меня, они могут не читать мою книгу. Можно сказать, (и я могу признаться сейчас в этом, так, как если бы я и стал отрицать, то мне никто не поверил бы), что я в достаточной степени утolo свое тщеславие. За свою небольшую жизнь мне еще не довелось услышать вводную речь «Даже без небольшого чувства преимущества по сравнению над кем-либо, я могу сказать...» и уже за этим заявлением не прошло уже дальше какое-либо надменное высказывание.

— *«Прочитал черновой вариант книги на одном дыхании. Захватывает. Восхищает. Мужественно. Поучительно. Сильное произведение. Для многих людей твоя автобиография как пример. Не позволяй этой рукописи пылиться в кладовке. Все персонажи реальны, ты научился наблюдать за людьми и делать их своими. Писательство не для всех. Людям нужны хорошие книги, а твоя даже очень хороша. Здесь каждая страница источает знания, знания промеж страниц. Текст всегда одерживает победу. Текст вечен и писательство. Я верю в литературу»* сказал Сергей Семёнов о данной книге.

Я остро переживал свою ситуацию, рыдал, молился и как будто прошел через темную ночь души. Полагаю, что вы это увидите, читая эту книгу. Вы через мои переживания сможете лучше прочувствовать озарение моей ситуации. Наша сила таится в ранах.

Мы живем в очень разнообразном мире. Где есть темное и светлое. И множество людей, теряясь в нашем обществе, плывут как корабли без штурмана. Бессильные души ищут путеводную звезду, которая не даст им разбиться о прибрежные скалы. Мне хочется стать для этих людей своего рода капитаном. Если посмотреть вокруг нас – телевидение, интернет, радио, различные газеты и даже наша личная жизнь – повсюду нас окружают люди, страдающие от душевных, эмоциональных и физических травм – жертвы. Необходим незаурядный ум и еще более незаурядная воля, чтобы не оказаться под влиянием вредной для мозга информации, веками накопленной жестокости и остаться при этом людьми.

Эмоциональные жертвы – это люди, терпящие частое «словесное преступление», хулиганское поведение и довольно частую критику, а, также, устрашение, высмеивание. «Палки и камни сломают мне кости. Но слова не ранят совсем» поговорка для детей. Возможно в детстве это полезное правило, но верно ли оно? Слова способны причинить боль и исцелить. Кстати, обидные слова мы редко забываем. Мне нравится другой вариант из книги Джеймса Борга «Секреты общения. Магия слов»: «Палки и камни сломают мне кости, но слова тоже боль причинят. Палки и камни поранят лишь кожу, а слова не забыть никогда. Боль от слов оставит мне шрамы в мыслях и в сердце моем навсегда. Ссадин и шишек давно уж не видно, а от слов не сбежать никуда». Слова обладают огромной силой. Слова – это тайна, только задумайтесь, сколько нужно времени чтобы построить отношение и сколько слов на это необходимо. И в одно мгновение неосторожное замечание или ответ может нанести непоправимый вред. Способ такого давления применяется для контроля и послушания себе другого человека.

Жертва душевная – это состояние, которое рождается вследствие серьезного чрезвычайного стрессового происшествия, к примеру, автомобильные аварии, ограбления, разбои и т.д., они дают очень сильные внутренние переживания. Такого типа события так или иначе предусматривают угрозу для жизни человека как индивида. Мы сами строим в своей жизни ситуации, которые способствуют нам для того чтобы учиться и расти, каждая ситуация несет в себе нужные нам уроки. И есть только один способ применить тот или иной опыт для своего роста –

пройти сквозь него. Но нам необходимо уметь отпускать груз прошлого и научиться жить более сознательно в настоящем моменте и быть достаточно открытыми, чтобы взглянуть на вещи с духовной точки зрения.

Физическая травма – повреждение тканей организма человека с нарушением их целостности и функций, вызванное механическими или иными воздействиями. Чаще всего это применение силы к слабому человеку. Физические травмы могут привести к формированию таких проблем, как, психическое расстройство, депрессия, панические атаки, агрессивность. Травматические воспоминания (в отличие от обычных воспоминаний) возникают вне зависимости от желания человека, во многих случаях в форме ночных кошмаров. При этом очень трудно усилием воли перестать думать о произошедшем.

Синдром жертвы находится в каждом из нас в достаточной степени глубоко. Пришло время задать себе вопрос: как возможно перестать создавать свою судьбу похожим образом? Итак, чтобы заменить роль жертвы, нам следует этот опыт в корне изжить. Иного пути нет. Чтобы избавиться от мышления жертвы следует заменить это мышление чем-то другим, необыкновенно захватывающим, которое несет в себе духовное освобождение. Необходимо то, что уведет нас за пределы жизненной драмы туда, откуда мы сможем увидеть общую картину и ту суть которая от нас в данный момент спрятана. Постигнув эту истину, мы поймем роль нашего мучения. В новом дне для нас очень значимо принять новый образ жизни, основанный не на страхе борьбы, а на подлинном принятии и безусловной любви к миру.

Жизненные условия, в которых мы чувствуем себя жертвами, необходимы нам, чтобы преобразиться. Понадобится немало сил, мудрости и любви. Я понимаю, что человеку, который чувствует себя пострадавшим от тяжелых обстоятельств и до сих пор испытывает боль, будет непросто принять представленные тут идеи и мысли. Таких людей я прошу прочесть эту книгу и проанализировать, станет ли им после этого легче. Я верю, даже людям, которые носили в себе боль в течение долгого времени, книга принесет значительное очищение и исцеление.

Глава 1. Тяжесть металла

– Исцеление это та настоящая работа, которую вы призваны делать здесь, на этой планете. Мы все явились сюда для того, чтобы исцелить друг друга – исцелить друг друга от каждой ошибочной мысли, от каждой идеи, от каждой ограничивающей или пугающей концепции, которая не дает нам ощутить себя теми, Кем Мы Являемся На Самом Деле.

Из книги Джеральда Ямпольски, доктора медицинских наук, «Прощение: Величайший Целитель»

Ну что ж, увертюра закончилась и началось действие. Вы слышали про Эдгара Кейси – медиума? Он говорил, что все в жизни предначертано. Я так же думаю, что судьба меня приводила к определенным обстоятельствам. Много раз я находился между жизнью и смертью. И все же о смерти. Мне было страшно? Не то чтобы страшно, смерти я не боюсь, но я предпринимал попытки убежать от смерти. Но одно дело панически бояться старухи с косой и другое дело подходить ко всему рационально. Мое увлечение работой в одно время превратилось в яростную борьбу со своей судьбой. Об одной такой жизненной ситуации хочу рассказать вам. Моя ситуация – это история преодоления моих физических и душевных травм.

Я почему-то помню не все свои «Первые сентября», может быть из-за их обычности. Но самое первое мое «Первое сентября» у меня отложилось в памяти. Настало утро, и ослепительные блики молодого солнца заиграли на дрожащих от легкого ветерка лужах, после прошедшего ночного дождя. Я останавливался перед кустарником вдохнуть, и поставить перед своим сознанием невидимый характерный запах его цветов, слиться с ритмом, рассыпающим эти цветы повсюду с детской легкостью (эти редкие сцены, я подолгу буду пересматривать в своей памяти). Торжественная линейка, ребята с цветами. Слово для поздравления предоставили гостям праздника. Какому-то парню доверили нести девочку, которая подала первый звонок на начало урока. Я случайно увидел ее лицо в отражении стекол, оно было счастливым. У меня был настоящий советский портфель, тяжелый, кожаный, который сопровождал меня в школьные будни. Еще во время учебы в начальных классах я проникся симпатией к своему первому учителю. Помню, ее взгляд, как она искоса посматривала поверх очков, какое впечатление производили ее слова на учеников в классе. Я думаю каждый человек учится как способен и когда приходит его время. Не выходит из ума со средних классов талантливая ученица Анара. Снова вспоминая ее, я понял, что профиль ее просто отпечатался в моей памяти: ко мне было направлено внимательное, чуть напряженное лицо, когда она мне предложила выбрать самую удобную дату и время чтобы погулять. Она взглянула на меня снизу-вверх исподлобья с привкусом кокетства и поинтересовалась, пожалуй, более чем просто и излишне осторожно:

– Я имею в виду седьмое октября, но, быть может, ты предпочтешь шестое или восьмое?

Яркое чувство воодушевления Анара испытывала в школе на уроках математики. Это был один из любимых ее предметов, который был ей по душе. Ей нравились переживания параллельные решению задач, помню тот гордый восторг, с которым она встречала вызов и без труда отыскивала решение, готовая к новым, более сложным заданиям. Одновременно она чувствовала растущее уважение к своему сопернику, к науке, такой настоящей, серьезной и столь высокой. На занятиях математикой в голове у нее сразу появлялись две простые мысли: «Как хорошо, что люди открыли эту науку» и «Как замечательно, что я хорошо в ней ориентируюсь». Радость восхищения наукой и собственными способностями усиливалась в ней одновременно.

В детстве, в юношестве и дальше по мере взросления мне все чаще начинали приходиться мысли голову. Как же будет замечательно, когда мне не нужно будет идти в школу. Как же я тогда заблуждался, когда торопил время, детскую легкость и непринужденность. Сквозь серый

туман календарь на табло, а именно календарь, над магазином сообщал: сегодня первое сентября 2009 года. Часы уточняли: шесть тринадцать утра. Я ехал на работу. Это особенный день – день знаний, который открывает для многих людей тысячи возможностей и дверей. Вы знали, чем больше дверей мы открываем, тем выше вероятность обнаружения за ними чего-то ценного для нас и бесценных шансов. Все шаги перед дверью ничто не значат если вы так и не вошли! Конечно, процесс этот требует от нас определенной смелости, заинтересованности и готовности. Ваша жизнь – это путешествие которое можете пройти только вы. Ведь каждый из нас уникален и каждого ждут в частности его достижения и победы, которые могут сделать этот мир лучше и добрее. Накануне этого дня я не знал, что придет завтра – следующее утро или следующая жизнь. В моем случае ко мне пришла следующая жизнь. Жизнь – это серия пересекающихся судеб и случайностей неподвластных никому. Вы никогда не сможете ее переиграть, как не сможете обогнать свою тень. Как говорят «Жизнь всегда богаче наших планов». Если бы я тогда знал, что жизнь внесет свои коррективы. В тот год этот день для меня стал заключающий в себе горе. Бывают несчастные случаи, знаете, как в народе говорят: человек – всего лишь игрушка в руках природы. Со мной произошел тяжелый несчастный случай на производстве.

Металл – это судьбы народов, стран, континентов. Это основа народного хозяйства и нашей страны. Все, что есть у вас дома: гвозди, железные детали часов, корпус холодильника, коньки, трубы, – все сделано из металла, когда-то прошедшего сквозь ворота цехов комбината. Metallургический комбинат воодушевляет своей мощью, порядком, особой атмосферой. Комбинат все время активно развивается, прирастает цехами, осваивает новые виды продукции, увеличивая производственные показатели.

Характерная черта нашего времени – люди опасаются сказать то, что они хотят сказать, но, когда им задают вопросы, опасаются промолчать о том, чего предпочли бы не говорить вслух. При работе с другими людьми в социуме можно научиться не ставить свое эго выше коллег и стать учеником. Самое легкое и простое, что возможно сделать со своим эго противодействием, – это перепрофилировать его в содействие. В основном в социуме есть всего три основных роли: начальник, коллега, подчиненный. И в каждой роли следует чему-то учиться. Коллективная работа с товарищами вырабатывает общественные навыки. Разберем пример ролей в рабочем коллективе. Подчиненный учится распорядку дня и графику работы, должностным обязанностям, обучается работе в команде, начинает понимать, что один он с производством не справится. Становится частью производственного процесса. Коллега приходит к пониманию, что без других рабочих по цеху производственного процесса не будет, учится совместному мышлению, старается видеть себя в другом человеке. Что усваивает начальник? Только на высокой должности можно научиться большой ответственности. Можно научиться слышать, слушать и новым познаниям. Возникает вопрос: на сколько человек сидя на месте начальника – остается человеком, не загордился ли? Прошел ли проверку деньгами и властью? Но в любой из этих ролей человек может стать «умником». Подчиненный может начать порицать, наговаривать, и обсуждать начальство. И откровенно думать, что он знает, как надо вести себя начальнику. Начальник спрашивает у нерадивого подчиненного:

- Что же вы здесь делаете, если вас эта работа раздражает?
- То же что и вы. Склоняюсь перед всемирным капиталом, чтобы удержаться на плаву.
- Что ж, деньги отличный повод.

Кто-то говорит не было выбора. Коллега может стать учителем если думает, что все только на него и опираются, а все остальные без него ноль без палочки. Начальник может злоупотреблять своими полномочиями. В целом отношение учителя на работе – это когда я знаю, что всем другим нужно делать и как нужно выполнять свои функции. Точка зрения ученичества – когда я принимаю нынешнее условие вещей и пытаюсь стать предельно полезным,

продуктивным участником производственного процесса. Всего один человек, которого я могу пропесочить, это я сам каким был вчера. Я могу оценить, чему я обучился, а где не дотягиваю. Знания не меняющие поведения – бесполезны. Можно проводить аналогию себя с тем, кем в принципе я могу быть. Во всяком случае про себя мы знаем где лжем, где просто отлыниваем от работы. Поэтому лишь один человек, на которого нужно смотреть, так это на самого себя. Нужно делать свою работу на пределе своих возможностей и с открытым сердцем.

Это была первая плавка металла при которой я присутствовал. Прорыв расплавленного металла на свободу казался схож с наступившим вдруг утром для людей, находившихся у жерла печи. Устремившийся, нагретый добела, поток металла польхал ясным, солнечным пламенем. Облака черного пара, освещенного багрянцем, клубились над печью. Неравномерными вспышками рассыпались фонтаны искр, казавшихся каплями крови, вытекающей из разорванной артерии. Воздух был разорван в клочья, он обдавал безумным пламенем, багровые пятна петляли и рвались вниз пространства, словно не желая оставаться в глубине созданной человеком конструкции, как бы стремясь обрушить колонны, балки, мосты кранов над головой.

Однако, металл не обнаруживал никакой агрессивности. Длинная белая полоса напоминала реку и торжественно блестела. Она послушно текла из устья между двумя хрупкими берегами. А потом падала на несколько метров вниз, в ковш, вмещавший десятки тонн металла. Поток разбрасывал звезды, выпрыгивавшие из его ровной глади и казавшиеся столь же милыми и невинными, как искры, брызжущие из детских бенгальских огней. Только в самой вблизи становилось видно, что все кипит. Временами из него вырывались брызги, летевшие на пол у желоба; жидкий металл, соприкасаясь с полом, вспыхивал огнем, затем остывал. Десятки тонн металла ставшие расплавленными при большой температуре, могли уничтожить любую стену цеха, погубить всех, кто работал около потока. Однако каждый сантиметр его пути, каждая молекула были покорны воле сталевара. Мелькавший под крышей багровый свет выхватывал из темноты лицо человека, стоящего в дальнем углу. Прижавшись к колонне, сталевар ждал. Резкая вспышка на миг пустила блеск света в его глаза, потом на черные металлические колонны и седовато-серые пучки его волос, потом и на карманы его одежды, в которых он держал руки. Высокий и крепкий, он превосходил ростом окружающих. Лицо его состояло из выступающих скул и нескольких резких морщин, запечатленных, все же, не старостью. Ему был сорок один год, все-таки хроническая усталость временами побуждала людей предполагать, что он старше. Струйка пота, стекала с его виска на шею. Все чувства сейчас плавилось и смешивались в его душе, и сплав этот преобразался в удивительное и спокойное ощущение, которое подталкивало его улыбаться и изумляться тому, что счастье может жалить. Его подручный казался человеком, уже подходящим к шестидесяти годам; у меня складывалось мнение, что, пройдя промежуток молодости, он вошел в зрелый возраст сразу из юности. У него был большой рот, узкий лысеющий лоб, который покрывали жидкие волосы. В его осанке была какая-то вялость и бессилие, противоречащая контурам высокого стройного тела, элегантность которого требовала уверенности аристократа, а преобразилась в неуклюжесть невежи. У него было грубое бледное лицо и тусклые заволоченные глаза, взгляд которых не спеша плутал вокруг, переходя с предмета на предмет, не замирая на них. Он выглядел уставшим и болезненным. Ему было сорок восемь лет.

Металл возрастал к краю ковша и не скупясь переливался через край. Слепяюще-белые струйки довольно быстро темнели, а еще через миг превращались в готовые обломиться черные металлические сосульки. Шлак застывал толстыми коричневыми гребнями, похожими на земную кору. Корка толстела, в ней раскрывались редкие трещины, внутри все еще кипела расплавленная масса. Высоко в воздухе проплыла кабина крана. Непринужденным движением руки крановщик толкнул рычаг: подцепленные на трос стальные крючья спустились вниз, захватили ручки ковша, аккуратно, словно ведро с водой, подняли десятки тонн металла и понесли к ряду форм, ждавших, когда их наполнят. Темнота озарилась пламенем, вспыхнув-

шим над разливаемой сталью. Медовое сияние, отливающее чистым золотом, легло на стену за моей спиной. Полоса света не спеша двигалась по моему лбу. Лицо сталевара хранило в это время спокойное выражение. Я откинулся назад и на время закрыл глаза. Колонна за моей спиной колебалась в такт движениям крана. Работа окончена, подумал я. Заметивший меня сталевар одобрительно улыбнулся, как товарищ и участник рабочего процесса, знавший, почему среднего роста темноволосый человек должен был оказаться здесь в этот момент. Я улыбнулся в ответ и направился в диспетчерскую, вновь перевоплотившись в наделенного скучным лицом человека. В тот день я задержался на работе.

От комбината до дома было несколько километров по безлюдной местности, однако мне хотелось пройтись – без особых на то причин. Я шел, опустив руку в карман, не выпуская пропуск на комбинат. Много моей жизни ушло на то, чтобы устроиться на комбинат работать. Несколько месяцев подумал я, долгий срок. Нет, это не просто работа. Это честь приобщиться к комбинату. Вдоль темной дороги выстроились деревья. Каждый раз, смотря вверх, я различал на ветках редкие осенние листья в окружении звездного неба; засохшие и свернутые, они были готовы сорваться на землю. Низко свисающая большая одинокая звезда, видимая среди этих листьев, создавала иллюзию яркого украшения этого осеннего гербария. Я вглядывался на багровое зарево, стоявшее над комбинатом и не думал о времени. В городских окнах домов переливались огни, делавшие мой путь еще более безлюдным. Не было ничего волнующего в облике города, смотревшегося совершенно обычным. Я направился дальше, напоминая себе на ходу, что пора домой. По мере того как дорога близилась к дому, я заметил, что шаги мои как бы сами собой становились более медленными и настроение, делалось менее приподнятым. Я ощущал размытое нежелание возвращаться домой, но не хотел испытывать это чувство. Дойдя до улицы Комсомольской, я принялся рассматривать витрины уже закрытых магазинов. Витрины заманивали обещанием счастья и скидками. Мне ничего не требовалось, я ничего не хотел приобретать, но мне imponировали витрины с продукцией, все равно какой, выполненными людьми и созданными для общества. Я обернулся. Над комбинатом светился багровый отблеск, такой же признак жизни, как восход солнца. Придя домой в свое общежитие, мне хотелось кому-нибудь рассказать, как сегодня достаточно интересно я провел свое время. Я улыбнулся, заметив, однако, с некоторой досадой, что некому даже спрашивать, как именно. Мне хотелось, чтобы кто-то мне задал этот вопрос. Мне трудно было выразить свои ощущения в слова. Поток протекающего металла еще светил в моей памяти, наполнял собой все сознание, не уступал места ни для чего остального.

Моим стремлением всегда было поработать в листопрокатном цехе. Я, будучи молодым специалистом сразу же оказался вовлечен в производственный водоворот, и это пришлось мне по душе. Да, минуя эту машину невозможно пройти, не заметив ее! Прокатный стан занимает большую часть цеха, расположившийся на значительное расстояние. Его основной двигатель имеет мощность в тысячи лошадиных сил, а общий вес механизмов составляет многие тысячи тонн. Прокатный стан – это ворота, сквозь которые непременно проходит весь прокат в стране. Механизм стана как будто бы и не очень сложный. Основное в нем – прокатные валки. Верхний валок мобильный – он может подниматься и опускаться, расширяя и сужая расстояние между валками. К валкам и от них ведут рольганги. Главный пост управления размещен на возвышении перед станом. Здесь находятся два оператора. Прямоугольные слябы, разного тоннажа, раскаленные до температуры доходящей до 1200°C, рассыпая искры, выходят из нагревательной печи. Их подхватывают железные катки рольгангов и везут к клетки стана. Перед самой заготовкой они приходят в движение и захватывают ее. Как будто комок пластилина в руках ребенка, разминается металл в железных ладонях стана. Рассеивая искры, и с другой стороны валков выходит уже несколько обжатый слиток. Его захватывают рольганги и уносят на некоторое расстояние от валков. Нет, работа стана еще далеко не закончена. Рольганги не уносят далеко сляб. Они неожиданно меняют направление движения и возвращают

его к валкам стана. Те немного сдвинулись, расстояние между ними стало меньше. И снова разминается податливый металл. Так происходит несколько раз. Специальные устройства – кантователи – переворачивают слябу, пока его форма не станет точно отвечать требующейся. И вот необходимый профиль получен. Рольганги увозят раскат, ставший вдруг внезапно длинным, на холодильник. Специальное устройство – холодильник – предназначено для поштучного приема горячего проката, поступающего непосредственно из стана для, транспортирования и естественного охлаждения его на балках, и дальнейшей передачи проката по отводящему рольгангу на участок Листоотделки к ножницам холодной резки. Дальше большие ножницы отрезают от него концы и разрезают его на части требующейся длины. Трудно было бы рабочему, если бы ему пришлось управлять всеми механизмами большого стана, включая и выключая их по ходу рабочего процесса. Хорошо, что гигантская машина автоматизирована. Оператор только «подбирает» на специальном щите необходимую программу обработки. Он словно дает этим распоряжение, сколько раз прогнать сляб сквозь валки, на какую величину при каждом проходе сокращать расстояние между ними. А затем механически действующее устройство точно выполнит все его команды. Во время прокатки сляба за ним не переставая наблюдают внимательные глаза видеокамер и зрачки фотоэлементов. Из нагревательной печи сляб попадает на рольганги – фотоэлементы включают их на движение к валкам главной клетки. И вот он, пройдя валки – фотоэлементы переключают вращение рольгангов на обратное.

Листовой прокат (металл) едущий на холодильник 1 сентября 2009 года был без ламинарного охлаждения (охлаждение, которое осуществляется жидкостью), достигал от 400 до 600°C и по весу составлял около 16 тонн каждый раскат, так сложились обстоятельства, в тот предназначенный судьбой день, один из едущих раскатов придавил мои нижние конечности (ноги) во время ручной маркировки на холодильнике. Раскат металла продолжал заезжать на мое тело снизу-вверх постепенно поглощая его. Оказавшись под ним, я почувствовал боль, которую не описать словами. Конечно, я пытался освободиться и вытащить себя самостоятельно. В какой-то момент мне даже удалось повернуться на бок. Я старался найти что-нибудь чтобы ухватиться и спасти себе жизнь, сжигая руки, ведь велика была жажда к жизни. Опираясь на лежащий рядом, раскаленный раскат такого же сортамента, таким же под которым я оказался. К сожалению, освободиться от соприкосновения с раскатом я не смог. Несколько ужасных, безмерно страшных минут ожидания смерти. В лежачем положении я видел проходивших вдалеке работников. До которых мои душераздирающие крики не доносились, так как на данном участке очень шумно. Средств связи не было у меня с собой по причине отсутствия радиации в зоне нашей работы. Представляете мое отчаяние в тот момент? Мой голос пропал и становился тише от криков помощи. Я затратил массу усилий и, как мне казалось времени, на то чтобы на меня обратили внимание. Действителен страх перед этой пугающей пустотой ожидающего нас в конце жизненного пути. И только очень сильные духом люди могут позволить себе спокойно и мудро рассуждать о смерти без дрожи и холода в груди. Позже, я благодарил Вселенную, что меня все же кто-то заметил с противоположной стороны участка и подсказал оператору поста управления о необходимости принудительной остановки оборудования.

Далее информация разошлась оперативно по цеху о случившемся. Оператор поста управления немедленно остановил холодильник, шагающие балки которого замерли в приподнятом состоянии вместе со злосчастными раскатами металла, один из которых находился на мне, причиняя мне с каждым своим движением и временем проведенном на мне все большие последствия, повреждающие мой организм. С помощью мостового крана с меня начали поднимать данный раскат металла. Все это время, проведенное под раскатом металла я находился в сознании, осознавая, что мне не смогут помочь и моя жизнь подходит к концу. Я заглянул туда, где живым нет места. Потеря правильной оценки реальности всегда приводит к тяжелым жизненным последствиям. Всегда нужно думать о последствиях: кто не думает о будущем, тому судьба недруг.

Когда я почувствовал, что лист металла отходит от моего тела я перестал ощущать свои ноги. И ежесекундно сменилась мысль о смерти, мыслью о потере ног. В следующую минуту мне повезло (хотя сказать так в моей ситуации невозможно), появились мои коллеги. Слышу кто-то рядом говорит: он еще живой? Что делать в подобной ситуации? Я собрал все силы в кулак до последней капли и попытался определить могу ли я пошевелить хоть какой-то конечностью, оказалось, что могу. Для того чтобы коллеги по работе поняли, что я хочу передать то, что я буду бороться за свою жизнь. И как сказал Иисус: «Имея веру в малое, имей и веру в большее...».

Длительность времени, проведенного под раскаленным раскатом металла, показалась мне вечностью, и в то же время прожитые воспоминания, в мои двадцать пять лет, не пролетали мыслями с невероятной скоростью у меня в голове, ничего такого не было. Я помню все или почти все что происходило со мной в те неотвратимые минуты для меня: как коллеги отталкивали друг друга чтобы посмотреть своими глазами на чудо, когда человек уже находящейся в руках смерти вдруг вырвался из этих рук, мимики их лиц, когда они увидели меня в таком состоянии, они были ошеломлены увидев меня беспомощного; у кого-то лицо стало блее бумаги; кто-то прикрывал ладонью свой рот, открывшейся от увиденного, ужас застыл в их глазах, были и те, кто не мог сдержать слез. Не могу до сих пор понять почему мне мелочи все так запомнились. В условиях паники, растерянности, неразберихи и непонимания случившегося работники бригады взяли мое разорванное, обезображенное, кровоточащее тело на руки, и вынесли на улицу к подъехавшей медицинской машине. Что было в головах у коллег, когда они меня выносили, не могу и представить. Сейчас об этом смешно вспомнить, но в тот момент я мысленно перед ними извинялся за то, что пачкаю их одежду. Когда выносили меня из двери, ведущей из цеха, я заметил машину скорой помощи, припаркованной у въезда в цех. Машина стояла кабиной ко мне. На переднем сиденье был мужчина с очень невыразительным лицом. Когда он выскочил из кабины я заметил, что он принял такую позу, которую не изменял некоторое время, даже пальцы свободно висящих рук остались полусогнутыми. Мне казалось, что я физически чувствую его оцепенение, это было единственным признаком его муки, которое мне удалось увидеть. Должно быть, он ждал указания от фельдшера ехать дальше. Это была самая обычная скорая помощь, с красным крестом на белом фоне. Выездная бригада оказала первую специализированную медицинскую помощь. Меня уложили спиной на каталку, подняли ноги и отпустили голову, в таком положении и разместили в карете скорой помощи для отправки в лечебное учреждение города, где мне предстояло выбрать жизнь. Забегая вперед хочу сказать каждый из нас может стать случайным человеком, который качнет судьбы других в сторону жизни. Расстояние незначительное – всего лишь несколько километров, – но одолеть их оказалось не так легко для меня. Иногда километры летят незаметно, но не в этот раз. Этот путь, как мне тогда показалось был долгим, даже бесконечным. Пространство прорезал вой сирены, в воздухе подобно разорвавшейся гранате. Рев оборвался на мгновение, пошел на спад, затем возобновился с новой силой, накручивая пружину пронзительного звука, словно перебарывая страх не завять еще сильнее. В звуке слышались мои конвульсии и крики о помощи, это был голос травмированного молодого человека, зовущего из последних сил. В те минуты боль наступала все с большей силой. Судорожно облизнув пересохшие губы и преодолевая боль, я молча ждал, что мне хоть как-то снимут болевой синдром медикаментозными препаратами. Через некоторое время я уже лежал на холодном операционном столе.

*От страха смерти я, – поверьте мне, – далёк:
Страшнее жизни что мне приготовил рок?
Я душу получил на подержанье только
И возвращу её, когда наступит срок.
Омар Хайям, персидский философ*

Глава 2. Травма

По приезду в больницу. Меня встретили несколько женщин. Критически осмотрев меня в машине. Они возмущенно воскликнули:

– Нет, нам его не поднимать. – пока она продолжала, мои мысли унеслись в другом направлении.

Так как я был достаточно тяжелым парнем. Я хотел встать, но тело как-то странно себя вело. Как сказать? Я как будто попал в сказочную засасывающую топь. Лежа на спине, я оперся на свои руки, а они не держат, как будто в сказке. Это было так удивительно и ужасно. Я взглянул на свою окровавленную одежду на теле. Взгляд медленно перешел по телу к ногам, и я обнаружил окровавленные белые кости, которые виднелись из тела и брызжущую в разные стороны багровую кровь. Сознание безысходности, которое охватило меня, не передать словами. Раскаленный металл раскромсал мое тело. Только лишь чего я хотел, это никогда не испытывать эту дикую боль, которая с каждой секундой нарастала и нельзя никуда было от нее убежать. Сам я и подняться уже не мог, все мои усилия были тщетны, не говоря о том, чтобы добраться самому до приемного покоя.

– У нас некому нести! – прервав мои мысли, сказали медсестры.

Надлом в моем голосе был почти незаметен, но в нем продувал истеричный вопрос:

– У вас разве нет санитаров? – спрашиваю я.

– Нет.

– Может попросить пациентов? Они возможно помогут.

– А они все старые и больные. Не могут нести.

Все время нашего разговора я старался соблюдать спокойствие, хотя и опустилось у меня тогда все внутри, переводя взгляд с одной женщины на другую. Искры надежды вдруг погасли в моих глазах, ставшие вдруг темными и глубокими. Выскажешь им претензии вроде того – пока помощь окажите, раньше в гроб уляжешься. Или скажешь им жалобу напишу, а они, как услышат слово «жалоба», сразу включается режим «итальянская забастовка». Нет, это не когда медик отказывается помочь. «Итальянская забастовка» – это когда все исполняют, но скорость осмотра пациента снижается. Ну, например, пока пациент не подпишет информационное согласие на осмотр и обработку персональных данных, они осматривать не будут. Соглашусь – немного на зло похоже. Естественно, если видят, что пациент действительно еще не умирает. Всякий раз можно сказать о людях, что они просты, и никогда нельзя говорить, что просты люди. Благо свидетелями ситуации были посетители пациентов, которые помогли вынести меня из машины и завезти на каталке в приемный покой.

Ко мне подошла медсестра, у нее было такое милое, простодушное, молодое лицо на вид, наверное, около 20 с небольшим лет. Она не была красавицей, она была проста как бумага, но мне она показалась красивей любой картины. Я смотрю в ее глаза и вижу таинственные озорные искорки. Голубые глаза совсем такого же цвета, как ее халат. Ей было трудно прятать усталость, но гордую осанку выделяла прямая отчетливая линия плеч, а плечи поддерживало усилие воли, рожденное сознанием личной правоты. Лицо ее нравилось думаю, что многим: оно было слишком теплым, а глаза чересчур внимательными и нежными; ничто и никогда не могло заставить ее взгляд сделать строже. Точеные ноги тоже соответствовали столь женственному образу. Она была подобна легкому бризу, но такой же своенравной и неуправляемой как морская волна. Я обратил внимание на ее руку, протиравшую мне лоб. В свете ламп кожа ее руки смотрелась прозрачной. У нее были руки с длинными аккуратными пальцами, которые она на мгновение расслабила, сделав незащищенными. Мысль проскочила в моей голове в тот момент: «Это руки ангела». Звонкий голос ее вопроса слегка вернул меня в чувство, я убрал взгляд с ее руки, и она медленно, как будто бы нехотя отвела ее в сторону.

Смотрю, а у нее по щекам покатались слезы. Плакала она молча. Смотрит и плачет. И тут во мне что-то сжалось. Жалко, что ли, стало себя. Грудь сковало, дышать стало трудно. Вроде бы плачу, но слез нет. Спецовка истлела и рассыпалась. Местами открылись участки сожженного тела невидимые мне прежде. Кожа потрескалась, и из углублений сочилась сукровица. Из других ран бежала кровь. Медсестра, увидев мои обожженные ноги, начала обмахивать меня каким-то журналом усиливая свое старание, пошмыгивала носом, поглядывая по сторонам, вроде хотела к кому-то за помощью обратиться. Я отвернулся, чтобы не видеть ее слез. И впервые в жизни я ощутил свое поражение и беспомощность. То, что я при этом чувствовал, трудно поддается описанию. Меня словно рывком вернуло к реальности, как и ее саму через несколько мгновений. Как будто бы ударил затвор, и перед ней оказалось лицо, не обладающее выражением, бесчувственной пустое.

– Почему? – спросил я, обращаясь в пространство. Мои слова повисли в воздухе. Наступила кратчайшая из пауз, мгновенное удивление вопросу, которого она не ожидала. Она не ответила, остановилась, пожала плечами. Я улыбнулся. На миг я словно оживился, более необычной улыбки ей еще не случалось видеть: в ней было что-то скрытое, сердечный надрыв, и бесконечная горечь. Она поглядела на меня, и удивление в ее голубых глазах поменялось на спокойствие, а потом сменилось странным выражением, скорее напоминавшим усталость, если не считать того, что проглядывалось в нем нечто большее, чем просто принятие истины настоящего момента. В последствии я узнал от нее, что постоянные метания мыслей и чувств разрывали ее на части, следующие несколько ночей она не спала, находясь под впечатлением от случившегося со мной, рассуждая о том, как жестоко судьба испытывает человека, кидая его под ноги смерти в любом возрасте. Рядом в расположенном кабинете не было никого, а дверь в кабинет персонала была прикрыта, но неплотно. Из кабинета пробивался слабый свет – возможно, что горела настольная лампа. В это же время медсестра освободила мое тело от остатков сожженной спецодежды. Тогда я обратился к себе мысленно. Успокаивая себя, что ли: а сколько людей сейчас в худшем положении, чем я? На какое-то время стало легче на душе. Но мысли мыслями, а взять и пойти своими ногами в операционную хочется. Только из всего моего большого желания пойти я с трудом только мог пошевелить ногами.

Мое тело было слабым и изможденным, голос – еле слышным. Мною владели чувства беспомощности и безнадежности. В голове сразу почему-то выстроился образ доктора: высокий, худощавый, сдвинутые брови, черные пронзительные глаза. Который говорит замогильным голосом и устремляет ко мне скрюченные ладони. Сквозь туман в голове услышал шум медицинских инструментов, и почувствовал запах медикаментов. Меня начал осматривать дежурный врач. Грубо закругленные черты лица его были определительно задеты светом и давали разглядеть глубоко бесчувственное выражение его, показывавшее, что все мягкое умерло и застыло в этой душе. Начал он прощупывать мое тело своими руками, да так, что я света не узрел. Поскрипываю зубами и говорю ему:

– Вы, видно, не людей лечите, – и чуть не добавил более грубых слов. Я был рад что остановился как раз вовремя, разумеется тогда это ничуть не помогло бы делу. Произнеся эти слова, я осознал какое впечатление они могут произвести. Мне безумно захотелось взять их обратно или изменить.

– Что же вы на больные места так давите?

А врач все меня трогает и сердито мне отвечает:

– Ваше дело молчать! Тоже мне, разговоры начали вести. Он поднял глаза и посмотрел на меня в упор. «Вы слишком бесцеремонны», – говорил его взгляд.

– Держись, сейчас еще больше будет. – резко и властно остановил меня доктор. И принялся зашивать рану. Тут искры у меня из глаз посыпались. Где-то в эту секунду у меня впервые проскочила мимолетная мысль о том, что происходящее совершенно невероятно, но я отбросил ее, не колеблясь.

Несколько дней я находился в реанимационном отделении. Травма была настолько сильная, что медицинский персонал и не надеялся, что я проживу несколько часов. Однако я прожил первый день, очнувшись мне вдруг показалось, что я уже умер, я сложил руки вместе и почувствовал свои ладони. Они не были мертвы, я мог разбудить боль, а значит и жизнь просто сжимая и разжимая их. Я прислонился щекой к подушке и понял, что, жив об этом мне сказало мое лицо. Я продолжал жить и на следующий день. Единственный способ победить смерть – это жить. Хотя при сильных ожогах, достаточно часто с течением времени состояние только ухудшается, происходит нарушение всех жизненно важных функций организма. Спустя несколько дней мне сообщили о том, что предвиделся летальный исход по отношению меня. И в этот раз смерть стороной меня обошла, только холодом от нее повеяло. Я был рад, что мой организм меня не подвел. Здесь мне провёл туалет ожоговых ран (заключается в удалении из ран возможных инородных тел). Затем пару дней меня только перебинтовывали, несколько раз с удалением участков кожи, что именуется «на живую». Там же был установлен диагноз: «Комбинированная травма. Рваная рана области правого голеностопного сустава. Термический ожог III-Б степени левого предплечья, бедра, голени, правой голени, стопы. Ожоговый шок. Ушиблено рваная рана области правого голеностопного сустава. Синдром сдавливания мягких тканей обеих голеней. Ожоговая болезнь в стадии септикотоксемии. Острая реакция на стресс».

Глава 3. Больница

В один из обычных дней, в свой выходной, мой брат не подозревал что его жизнь уже сегодня существенно изменится и от ее размерности и покоя не останется и следа. Готовясь на свое одно из любимых увлечений – подводная охота, он услышал звонок своего мобильного телефона. Он никогда не брал телефон с собой, но тогда его что-то подтолкнуло взять и ответить на звонок.

– Креслов Олег? – поинтересовался незнакомый голос

– Да – настороженно ответил он

– Ваш брат травмировался на производстве и находится сейчас в реанимации – сказав адрес лечебного учреждения, сообщил голос.

Быстрота биения его сердца усилилась, он почувствовал необъяснимую тошноту. Появилась слабость в ногах, перед глазами все поплыло. Боль он не чувствовал. Знал, что боль появится позднее, настоящая мука, а заполнившее его оцепенение – всего лишь короткий отдых, подаренный ему не после, а до начала боли, для того чтобы он смог ее выдержать. «Если это от меня необходимо, – подумал Олег, – я перенесу». Он отшатнулся, сильно сжав губы, чтобы не высвободился ни единый звук.

Несколько успокоившись, Олег тихо произнес твердым холодным голосом:

– Мне нужно ехать. Затем взглянув на встревоженное лицо товарища, добавил:

– Брат в реанимации. Происшествие на работе.

– Я могу поехать с тобой – сказал товарищ

– Нет, он в реанимации, туда даже меня не пустят. Я поехал в город. Извини.

Брат по приезду в город сразу отправился в больницу, по адресу, который сказал голос по телефону. Хирургический корпус не пришлось долго искать, прохожие люди сразу подсказали, куда идти. Найдя доктора, Олег обратился к нему:

– Что с Кресловым Иваном и что необходимо?

– Общее состояние оценивается как тяжелое, будем наблюдать его пока здесь. Набирайтесь терпения и сил. – сказал врач и ушел.

По прошествии нескольких суток проведенных в реанимационном отделении меня стали подготавливать для перевода в палату для дальнейшего лечения. Меня легонько потормошили за плечо и подкатали каталку (тележка для перевозки больных), и перенесли на нее. На тот момент в больнице находился мой брат, ожидавший меня в коридоре. Он резко вскочил со стула и быстрым шагом направился ко мне.

– Как ты? Мои глаза открылись. Я посмотрел на него через разделяющее нас расстояние, и в тот момент, когда взгляды наши встретились, мы как бы остались наедине посреди окружающей обстановки. На его лице, я заметил такое нечеловеческое страдание, что, казалось, можно было слышать крик боли. Я насколько мог радостно улыбнулся и начал лихорадочно искать самые подходящие слова для ответа. Потом отвел свой взгляд и устремил его в сторону.

– Олег! Каталка подпрыгнула на низеньком порожке, и я болезненно скривился.

– Извини. Доставил вам множество проблем. Я стал отрывисто, бессвязно рассказывать, как стряслась со мной эта беда. Олег ни разу еще не слышал в моем низком голосе такой беспомощности.

– Переживем. Шел он рядом с каталкой, помогая ее катить до палаты медсестрам, проходившим уже ни раз по знакомым коридорам. Мое состояние доказывало брату, что самые худшие его предположения ничто по сравнению с действительностью. К сожалению жизнь так устроена Олегу необходимо было уйти. Если бы мои чувства переросли в слова в тот момент и сломали черту моей воли, я закричал бы: «Не бросай меня, ты мне нужен, я борюсь с болезнью, она прижала меня к краю обрыва, я обречен сражаться сверх отпущенных мне

сил, и только есть одно оружие, необходимое мне — сознание того, что есть на свете человек, которого я уважаю и которому доверяю».

Уложили меня рядом со входом в палату, видимо установили койку как дополнительное место. Воздух тут стоял, вперемешку с невымытым телом, такой спертый, что я инстинктивно то и дело, поднимал голову повыше. Я лежу и смотрю в потолок, слышу, как где-то на расстоянии капает кран и по капле наступает осмысление, в какое положение я угодил. Понимая, что сейчас пройдет действие обезболивающих, а пока тело не в плену адской боли и слез, я начал себя осматривать. И там вдалеке на кровати, где находились мои ноги под одеялом, я увидел кровь, захотел приподнять их, но из этого ничего не получилось. Через какое-то время принесли судно, чтобы я мог сходить по нужде.

– Постойте, медсестра, простите мне мою бесцеремонность, я что-то не понял, – приподняв брови, судорожно сглотнув, с тревогой в голосе спросил, приподымаясь на локтях. Тень задетой гордости пробежала по моему лицу.

– Значит, если мне нужно... извиняюсь, сходить по нужде, то я должен сделать это в судно?!

Она совершенно непринужденно произнесла своим тянувшимся, нескладным, но не лишенным приятности голосом, временами совершенно заглушавшийся шумом проезжающих машин за окном.

– Ты что, разве не слышал высказывание – ходить под себя? – она засмеялась. Я продолжил пристально вглядываться в лицо собеседницы и задавать вопросы.

– Медсестра, я буду ходить? – звучало нетерпение в моем голосе.

– Ну если только под себя.

– Не смешно. Зато, правда. Я еще ни разу не слышал, чтобы это выражение звучало так убедительно.

– Ну так что там, с твоей нуждой?

– Мне, знаете, что-то перехотелось в туалет. Я довольно долго молча смотрел на нее исходил холодным потом от этой мысли. С каждой проходящей секундой двусмысленные интонации ее голоса, еще витавшие в воздухе, казались все глупее. Затем с несколько чрезмерной нервозностью, взгляд мой стал плутать по палате, меня расхаживание по ней я взглянул на дверь так, будто хотел сбежать.

Я рухнул обратно на койку. На моем лице словно осталось отражение ушедшей медсестры. Можно было оценить это как чувство собственной беспомощности. И как только человек, созданный по образу Божию, может находить смешным эти противные шутки?

До ее прихода я чувствовал себя заболевающим в эмоциональном плане, а после ее ухода стал больным. Начало темнеть. Мне вдруг показалось что осенняя тьма выдавит стекла на окнах, вольется в палату, и я захлебнусь в ней. Я стал тем, кто уже не может владеть собой. Я взвыл и у меня появилась желанная бежать куда-то, но я не мог. В тот вечер я боролся с собой как безумный. И у меня хватило сил чтобы добраться рукой до выключателя и зажечь свет в палате. Когда свет загорелся мне стало гораздо легче. Страх перед будущим немного притупился.

Голосом, напряженным от избытка эмоций, я и сейчас произношу:

– Прошло более десяти лет, а я до сих пор не могу вспоминать это все равнодушно! – слова вырываются против воли, словно я так и не научился держать скрытые мысли. Представляете, как остро для меня стоял момент в справлении естественных потребностей в мои 25 лет, когда я был прикован к постели? Все было видно в моем образе: беспокойный взгляд, сдвинутые брови, судорожно сплетаемые и расплетаемые пальцы, все подтверждало внутреннюю борьбу. Но какой бы невероятной ни казалась ситуация, я был почти уверен, что в зрачках светлых глаз моих виден задорный блеск.

Проснулся я в следующий раз от криков больных, лежащих со мной в одной палате, и стука дверей об мою кровать. Мысленно представляете? Пациенты и медицинский

персонал ходил туда и обратно. Каждое открытие дверей в палату приносило мне дополнительные болевые ощущения от того, что дверь ударялась об мою кровать. В силу ограниченности места в палате кровать невозможно было отодвинуть и избежать этих стуков. Я все ждал, когда меня переведут, в более удобную палату. После очередного посещения меня в опустылевшей мне палате мое доверенное лицо – брат, переоформил медицинскую страховку с другими условиями и тарифом с целью возможности получения улучшенных условий для больного, меня перевели в палату, которая была двухместной. Комфортная палата потому, что – в ней был туалет, телевизор, холодильник. До всего этого было рукой подать, но встать и дойти, я конечно же, не мог. Это было обидно. Начал развиваться комплекс неполноценности.

Когда все ушли, я начал изучать своего соседа по палате. Тот безмятежно спал. Когда он проснулся я хорошо мог разглядеть лицо этого человека. Он был молод, темноволосый, с большими, живыми как огонь, карими глазами и волевыми чертами лица. На воротнике его футболки блестела булавка. Он был такой же брюзга, как и я, в то время, когда находился в больнице. У него, как оказалось, был поверхностный ожог рук. Его пронзительный взгляд словно загнипнотизировал меня, я даже почувствовал какую-то неловкость.

– Сколько вам лет? – спросил он меня.

– Мне исполнилось 9 июля этого года 25 лет.

– Ох, и хапнул же ты горя.

Затем за разговорами мы стали проводить достаточно много времени. Его физическое и душевное состояние через неделю, начало вызывать у меня беспокойство. Так как раннее его вежливость и внимание к другим доходили до высокого уровня. Волнение вызывало то, что потухли его глаза, излучавшие столь дивный свет и так магически действовавшие на меня и медицинский персонал. В один из дней я спросил: «У вас все в порядке?» Он ответил соответствующим ему естественным, непринужденным тоном и проговорил с ударением на каждом слове, наклонившись вперед, покачивая головой, далее последовало безнадежное чувство разочарованности в голосе: «Ведь такого не бывает. Я ничего не бросил, ничего из того что уже потерял. За что я цепляюсь спрашиваю я себя?». Больше его лицо не проявляло ничего: на нем лежал отпечаток уважительного смирения, с которым человек констатирует тот несомненный факт, что истина есть истина, а есть А, по аристотелевскому закону тождества. В ту минуту я понял абсурдность своего вопроса и правоту его ответа. «Все» никогда не бывает: если посчастливится, то достанется самая малая часть.

На следующее утро проснувшись именно от остроты боли, я увидел, что мои ноги по всякому трогали хмурые врачи в белых халатах, я чувствовал на том же месте ту же боль, ощущение которой не растворилось у меня накануне перед сном в потоке инородных впечатлений. И боль не тронулась с места. В палате расположился целый консилиум. Был дежурный врачебный обход с начальником отделения, генералом медицинской службы. Выглядел он добрым с задумчивым лицом и сдержанными, смелыми манерами. Одетые в белые халаты лечащие врачи, вооруженные папками с историями болезней. У одного из них живые глаза в очках, в темной оправе, скользили по истории болезни. Глаза его отражали работу мысли. Я смотрел на них испуганно и вопросительно. Мои глаза перебегали с одного врача на другого. Связывало их то, что все они, как мне показалось были циничны и достаточно уверены в себе. Именно в этом на тот момент я видел доказательство зрелости человека и наличия у него определенного жизненного опыта, каким я, к сожалению, тогда не обладал.

– Как самочувствие? – спросил вкрадчивым голосом один из врачей.

– Бывало и лучше... – неопределенно ответил я.

– Доктор, что там с моими ногами? Спросил я прерывающимся от волнения голосом стараясь держать себя в руках. Данный вопрос был главным в списке моих интересов на тот момент. Пауза затянулась на секунды, я не понимал смысла, обращенного ко мне взгляда,

полного какого-то особо пристального, настороженного внимания. Казалось было, что мысли врача витают где-то далеко. Лоб его изрезали морщины – по всей видимости, он был озадачен.

– А что с ними... – он вздохнул, – будем продолжать делать операции.

– А конкретнее, можно?

– Время покажет. Не нужно торопить события. Будем смотреть и решать по вам коллегиально о дальнейшей судьбе ваших ног. Указав рукой на здание, черневшее за окном на фоне утреннего солнца, доктор сказал:

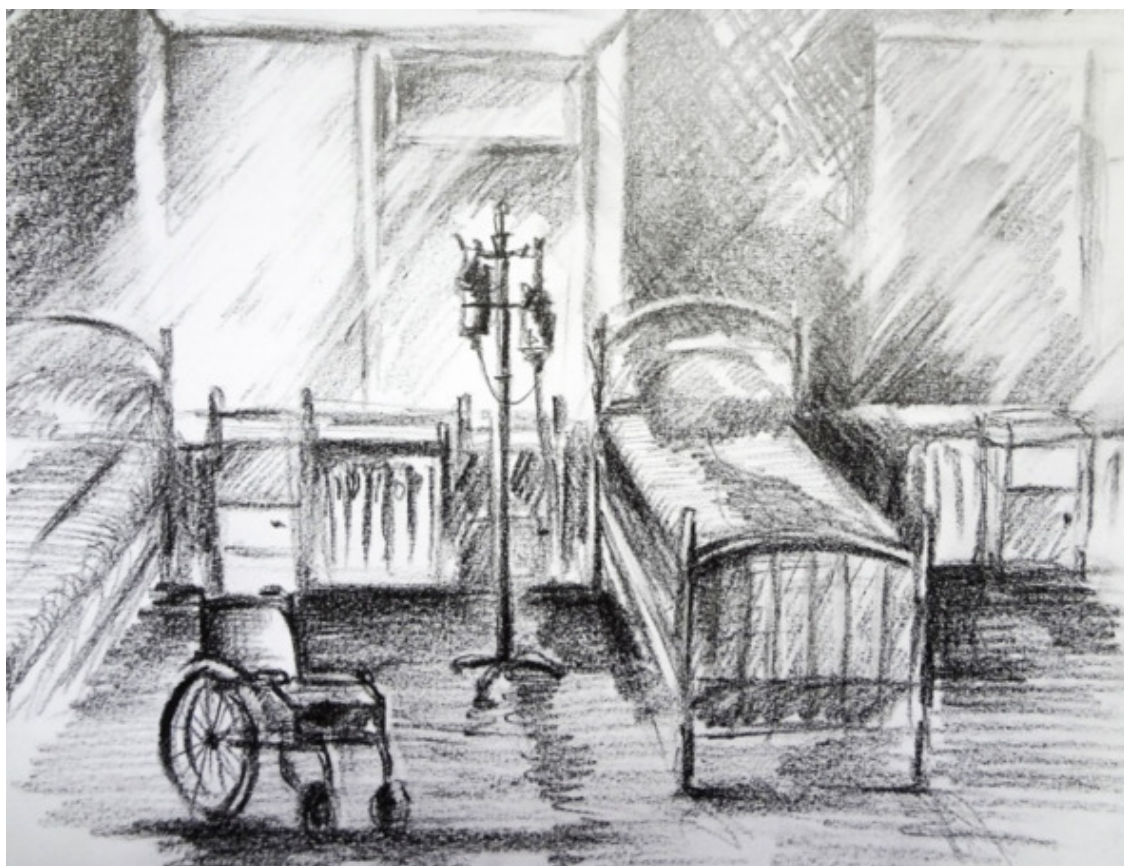
– Каждая из этих плит имеет предел прочности. Каков он у вас? – эффектно закончил он. Его слова обрели смысл.

Я так пристально смотрел на него, что слова давались мне уже с трудом, словно даже они не могли отвлечь меня от важной мысли.

– Я не знаю, какой мой предел прочности, и нет желания знать. Единственное, в чем я убежден, так это в том, что я стану ходить.

Понадобились долгие 30 секунд – я, казалось, слышал, как медленно они проходят, – когда наконец я все же убедился, что доктор огласил свое окончательное решение. Голос мужчины звучал серьезно и немного укоризненно. К несчастью для меня его ответ не внушил мне уверенности. Его слова усилили во мне такую грусть, что, услышав их, я нервно сжал кулаки и так сильно сомкнул зубы, что потом длительное время не мог их разжать. Лечащий врач сделал назначения, затем консилиум удалился из палаты. Я проводил их разочарованным взглядом.

Я не сводил взгляда с двери, за которой скрылись врачи. Окинул внимательным взглядом голые стены, пол и окно. Первый мой разговор с врачом меня не обрадовал. Точнее, он меня просто убил. Меня настораживала неопределенность врачей. Мне нужно было как-то успокоиться, собраться с мыслями, я закрыл глаза, так и лежал некоторое время пытаюсь прийти в себя. Дальше сил хватило только на то, чтобы дотянуться до полотенца, вытереть пот и слезы с лица. Хотелось провалиться в небытие. Из состояния, в котором я находился меня вывел звук от холодильника, он заставил меня вновь осмотреться, но не вернул моему бледному лицу его естественного румяного цвета. Разве можно дожидаться в постели страшного суда, пока Архангел Гавриил протрубит в свою трубу? Понимать в 25 лет что ты больше не сможешь ходить – слишком больно. Ведь у меня было так много задуманных планов. Отныне болезнь будет управлять мной, обратит в свою игрушку. Что будет дальше с моей жизнью?

Глава 4. Вспоминая детство и армейскую службу

Сентябрь в тот год стоял необыкновенно теплый, была прекрасная погода, чудесные дни за моим окном приходили и проходили. Что и говорить, соседей по палате было много, которые с периодичностью сменялись, за то длительное время, которое я провел в больнице. Рановато осень вошла в свои права, как мне тогда казалось. Теплая полоса с подвижными границами, овеваемая прохладными потоками воздуха, освежала мое лицо, которая исходила из углов палаты, из той ее части, что ближе к окну. Осень – тяжелое время для многих людей. Апатия и отсутствие какого-либо желания продолжать активную деятельность, возникает совершенно неожиданно, сбивая с ног и мешая полноценному существованию. Недоступное нашим взглядам зрелище осени, заканчивающегося так быстро, что мы не успеваем его воспринять, наполняют нас тоской по облетевшим листьям, которая может стать настоящей депрессией, которая всю ночь не даст нам сомкнуть глаза. И, обращаясь к самым сладким своим воспоминаниям, я размышлял, что в это время года и в этот час на увядшей траве еще сохраняется блеск капелек росы, да белые кристаллы инея. Дождливая и теплая осень сменилась на зиму. Погода за окном сменилась с плюс 20 градусов до минусовой, как показал дневник погоды за тот год. Палата была пуста и безмолвна в тепле, противостоявшая уличному морозу. Солнце начало меньше согревать. Все мое тело ломило и ныло, а ночной холод усиливал боль моих ран, ощущая морозную свежесть зимнего воздуха в помещении. Я услышал слабый стук в оконное стекло, как если бы в него было что-то кинуту, со временем многочисленное падение чего-то легкого, словно песка, который кто-то сыпал с неба возрастало, упорядочивалось, приобретало ритм, становилось текучим, звучным, мелодичным – это был снег. Я с трудом перевернулся со спины на живот, оперся руками об край кровати и что есть силы приподнялся. Правда семь потов тогда с меня сошло. Посмотрел в окно и увидел, как безмятежно падал первый снег, как город начал пробуждаться, а утро расцветало во всей своей красе. Я смотрел на падающий ноябрьский снег. Белые хлопья спускались с темного беззвездного неба, медленно, не сдуваемые ветром, не кружась. Внимательно всматриваясь, я начал замечать, что снег не совсем белый, а с голубоватым и немного желтоватым оттенком около здания больницы. Я думал это потому, что на него падал отблеск света из окон. Приятная белизна вокруг смягчалась сдержанно-матовым оттенком неба.

Люди всегда радуются первому снегу. Первый снег сказочно изменяет окрестности. В белых одеждах дома выглядят нарядно и празднично. И вот мысли мои опять возвратились к далеким, почти забытым зимним дням, которые видел я когда-то в детстве.

Перенесемся на несколько десятилетий назад. В Варненский район село Толсты. Мне вспоминаются наши детские забавы. Начало каникул для двух моих друзей Димы и Никиты отличалось прекрасной морозной погодой. Снег покрыл землю толстым слоем и не таял. Как раз подходящая погода, чтобы размяться, побегать, подышать свежим морозным воздухом и вспомнить любимые зимние игры. Парни решили сразиться в снежки. А для того, чтобы снежное сражение было веселым, нужно первым делом заготовить «снаряды». Никита скатал около десяти снежков и положил рядышком с собой. Он был небольшого роста, с золотистыми волосами и зелеными глазами. И Дима конечно не отставал от друга. Он был хрупок, и руки его были длинны с розовыми ладонями, как у девушек, но по-мужски уже сухи. И вот началась игра. Кидали друг в друга снежки под сопровождение криков – все это составляло сцену, очень похожую на наш обыденный день того времени; игра не утихала. Ребята проникались большой верой в жизнеспособность и долговечность своей дружбы, которая оставалась такой же теплой посреди холода, и в то время, когда они сближались и бросали друг другу комья снега за воротник. Никто ни на кого не обижался, даже если все же снежок друзьям и удавалось закинуть за шиворот. Я умиленно улыбался тому, что казалось мне при этом знаком трогательного

внимания, которое они оказывали друг другу, в этой холодной зиме, и своего рода верно-стью, сохраняемой ими среди невзгод. После говорили друг другу сотни добрых и подбадривающих слов, чтобы вернулись физические силы, и могли вновь продолжать свои забавы. Ребята так увлеклись, что даже дворовый пес Шарик не смог остаться в стороне. Он лаял на летящие снежки и удивлялся, что ребята смеются. Он не сразу понял, что это всего лишь игра. Их грудь была переполнена нахлынувшим счастьем. Мимо Никиты и Димы проехал на саночках Коля, он не любил быть далеко от событий и что-то кричал сестричке Наташе, нисколько не портя ее неизменно радостного настроения, которая его катала. Наверное, он просил, чтобы она везла быстрее. Наташа была одета в серое пальто, валенки, из-под вязаной шапки у нее виднелись две темные косички. Наташа была в достаточной степени симпатичная. Я обратил свое внимание на нежное, тонкое, почти застенчивое выражение, которое нередко двигалось по лицу этой девочки. Лицо у нее было усыпано веснушками, глаза ее внимательно смотрели на дорогу, по которой она везла младшего брата. Иногда для придания своей жизни большей интересности она время от времени наполняла ее воображаемыми происшествиями, рассказами и с необыкновенным увлечением наблюдала за всеми их перипетиями. Дойдя до какого-нибудь места в своем новом рассказе, Наташа останавливалась, чтобы вытереть появившиеся у нее от смеха слезы, после чего, желая еще больше увеличить испытываемое ею наслаждение, продолжала диалог, придумывала ответ собеседника.

– Коля! – воскликнула удивленная и возмущенная Наташа. Она обладала резким голосом. Все же голос ее чуть дрогнул, но потом она продолжила тверже.

– Я и так тебя везу как могу. Наташа, не вкладывала никакого дурного значения в слова, которые употребляла только в том смысле, в каком мы употребляем их, когда говорим о любви, соединяющей двух друзей или брата с сестрой. Наташа сохранила по настоящий момент бескорыстную любовь к детям пропитанной умилением.

А за всем этим развлечением с голых деревьев следили взволнованные птицы. Каждый раз, когда в воздух взметался снежок, птицы нервно кричали и взлетали с деревьев в небо. Но вот и они поняли, что никакой угрозы нет, и спокойно устроились по соседству, поглядывая на ребят. Вспоминается повесть Максима Горького «Детство». У меня отметилась в памяти фраза бабушки к герою: «...Взрослые – люди порченые; они богом испытаны, а ты еще нет, и – живи детским разумом. Жди, когда Господь твоего сердца коснется, дело твое тебе укажет, на тропу твою приведет...».

Я не могу не вспомнить как мы любили проводить время в летний период. Держать детей дома в прекрасные дни не могло идти и речи. Сделав порученные дела от родителей по дому, мы выбегали на улицу. Старались использовать для прогулки каждый погожий день. Организовывали затейливое развлечение для кого-нибудь, даже для человека, которого не любили, во время необходимых приготовлений, у нас возникали мимолетные и глубокие чувства симпатии и доброты. Играли в футбол на школьной площадке, а бывало играли в рыцарей со сверкающими глазами, где сражались в битвах и завоевывали трофеи. Представляя, как прекрасная дама вручает тебе меч перед поединком, получая из ее рук награду за победу. Теряя счет времени, тогда мы заигрывались допоздна. Возвращаясь с прогулки, мы любили смотреть на стекла окон домов, мимо которых проходили, на деревья возле дорог, сквозь красивые вершины которых было видно темнеющее небо, на алые отблески заката, на размытые сгустившейся темнотой фигуры редких прохожих, которые едва можно было различить на этой палитре черно-серых вечерних красок, часто в это время подымался резкий ветер с поля и мчал жалобные свои вопли дальше по улице. Особенное наслаждение мы испытывали оттого, что гуляли по вечерам, если ночь была лунная и теплая, по дорогам залитым лунным светом, на которых резвились еще днем при свете солнца. Земля все же исключительно прекрасна, а под луною просто уникальна. Когда же мы возвращались я видел издали канаш бледно-серый домс шиферной крышей и фасадом на улицу куда выходили окна моей комнаты, где я ложился

спать придя домой, и ту часть соседского дома, к которому я иногда приходил чтобы вызвать на улицу товарища детства Дмитрия, постучав в окно его комнаты. Он был подобен театральной декорации с выходящими окнами на несколько сторон и построенный для моих родителей. Было совершенно пустынно и темно на нашей улице, едва только сделав несколько шагов, я очутился у своего дома посреди ярко светящихся окон, за которыми еще горел свет. Я едва волочил ноги, засыпая на ходу, а запах цветущих растений мимо которых проходил, казался мне наградой, которую можно заслужить ценой крайней усталости и потраченных усилий. Разбуженные моими шагами, одиноко звучащими в тишине, начинали поочередно лаять собаки у ворот, недалеко находившиеся друг от друга. Мне и сейчас иногда по вечерам вспоминается лай соседских собак, который приветствовал мое возвращение домой. И с того мгновения, как отворив калитку я входил к себе во двор, вокруг меня смыкался безопасный периметр двора, в это время мне начинало казаться, что земля сама несет меня к двери нашего старенького дома, из последних сил я закрывал дверь, а привычные действия увлекали меня в свои объятия и доставляли меня до моей кровати словно маленького ребенка. Я любил свою комнату, пропитанную запахом сажи от сгоравших, в далеко уже не новой русской печи, дров и угля. Когда лучи низкого зимнего солнца пробирались в комнату в ясный морозный день, мне казалось, что они проникают в наш дом погреться и отдохнуть, устав от борьбы с зимней стужей, напоминая о будущем приходе весны. Летом же из окна комнаты открывался вид на небольшой палисадник, радующий глаз своей буйной зеленью травы и яркими красками цветов разных оттенков и полутонов. Комната долгое время служила для меня неким душевным укрытием, несомненно потому, что мне разрешено было закрывать в ней дверь на задвижку для выполнения моих школьных заданий, требующих определенной тишины, чем я и пользовался, спокойно в ней читая, размышляя и мечтая, лежа на кровати, частенько при этом засыпая.

Меня завораживает сила и мощь Уральской природы. Ее безмолвная красота и вечное спокойствие. Одно из любимых наших мест, которое располагалось недалеко от нашего дома, был склон у реки Нижний Тогузак, которая протекает по территории Карталинского и Варненского районов. Реке Нижней Тогузак на тот период сильно повезло – она была еще достаточно чистой и не пострадала от бурной деятельности людей эпохи развитого социализма. Я всегда изумляюсь притягательной силе красоты медленно и величаво текущей реки. Отражение на плесе безоблачного голубого неба такое, что кажется – небо плывет по реке. Листья кувшинок, спокойно лежащих на воде, окрашивают ее в зеленый цвет своим отражением, а песок на мелководье так чисто вымыт, что можно увидеть даже самую маленькую его песчинку. Река увлекает тебя, захватывает и завораживает. Ты ощущаешь только то, что тебе здесь хорошо. И уже спустя время к тебе возвращается способность рассуждать о том, как река, текущая в грязи, – такая чистая: она умеет успокаивать, укладывать грязь на дно. Если взволновать ил, он мутно за клубится, поднимется, будто бы готовый занять всю площадь, но через минуту осядет, послушно прижмется ко дну. Принимая всякую грязь, она обращается с ней умеючи – какую-то отнесет дальше, какую-то уложит на дно. Во всяком случае она движется к чистоте. И добивается ее. С возрастом мне удалось повидать океанские просторы и их мощь, быстроту горных рек, и их необъятность. Все же Уральские реки и озера – это по-прежнему для меня как старая сказка, как вековая история. Как будто беседуешь с мудрым, седым старцем, который спокойно и размеренно рассказывает о своей жизни. Мы большой природы маленькая часть.

Вспоминаю, как небольшой компанией пацанов, с треском ломая ветки густого кустарника, мы пробираемся к берегу реки поросшему камышом. Здесь, на краю берега, во время паводка мы частенько ловили пескарей. Можно было увидеть желтые лютики, стебельки которых изгибались под тяжестью заключенных, в их чашечке из пяти лепестков, ароматных капелек. Недалеко от места наших сборищ старый мост выходил на тропинку. Летом, в этом месте, обрамленным темно-зеленым кустарником, частенько сидел рыбак в панаме, точно вросший в землю. Мне запомнился его образ, его рассеянный и мечтательный взгляд, устремленный

не на поплавок, лениво покачивающийся на воде, а на какую-то отдаленную точку горизонта, которая его чем-то завораживала. Мы там столько топтались, что это место превращалось в болото. На нашем месте мы соорудили нечто вроде пристани, на которой мы могли бы стоять. Местами отблески от поверхности реки видно было сквозь листву деревьев, которых здесь довольно много росло. Река была очень красива и умиротворяла нас, там мы увидели, как плыли словно скользили по льду две утки. Смотрели на голубое небо, застланное утренней дымкой, с удовольствием вдыхая чистый воздух, слушая пение птиц и периодически осматриваясь по сторонам в заросли камыша. Нам хотелось увидеть кто же так красиво поет. Пение раздавалось то издали, то вблизи, трудно было определить расстояние. Оно вызывало в моем воображении простор безлюдных полей, спешащего на вокзал туриста и дорогу, сохранившуюся в моей памяти благодаря волнению, которое я испытываю при виде незнакомых мест. Иногда мы ссорились. Иной раз глупый спор по поводу глубины реки приводил к маленьким обидам. И как говорил по этому поводу древнегреческий философ Сократ «Платон мне друг, но истина дороже».

На другом же берегу, куда мы добирались через плотину, располагалось жидкое поле кукурузы, которое тянулось все дальше и дальше, его перерезала дорога, которая вела к вершине холма. Темно-зеленый велюр травы покрывал склон холма. Плеск воды только подчеркивал тишину. Далекий прорез ясного неба делал место еще более укромным. Высоко над нашими головами, на вершине холма, лучи солнца выхватывали одиноко стоящую огромную березу, вызывая у нас восторг от этого пейзажа. Казалось, что до нее рукой подать, а мы все шли и шли к ней, а береза словно не приближалась. Но все-таки нам хотелось добраться до этой березы, и мы упорно продвигались вперед. Жаркое солнце нещадно палило нам спину. По воздуху разносился запах цветов. Споря друг с другом, кто добежит до той березы раньше мы с наигранной беспечностью, бросали вызовы друг другу. Через какое-то время мне стало ясно, что мы просто бравировали друг перед другом.

Пробежав некоторое расстояние, Дима остановился, оглянулся и крикнул:

– Спорим, что не обгонишь? – с готовностью бежать. Услышав это, Никита застыл на месте, и какое-то мгновение они просто разглядывали друг друга, разлученные отрезком пологого зеленого склона.

– Обещаю, даже даю тебе слово перегнать тебя, – ответил Никита.

Прекрасный вид открывался для нас с каждым нашим шагом. И каждый наш раскат смеха, который возвращало эхо, облетал это прекрасное поле, засаженное кукурузой, и приводило нас в восторг.

– Как красиво! – проговорил я, с воображением безоблачного счастья.

Коля отстал, потом вскинул голову, со злостью пнул небольшой камень потом другой, четвертый, теплые слезы катились по его щекам, как и не пытался он их сдерживать. Он пнул еще один камушек и еще один, потом поднял очередной камень и швырнул его изо всех сил. Затем с живостью продолжил бежать за нами. Никита же прибежал первый к цели и с определенной заносчивостью в походке приблизился к березе. Повернувшись спиной к березе, Никита проговорил в нравоучительной тональности детской импровизированной забавы:

– И когда ты научишься бегать? Вечно приходится дожидаться тебя.

– А ты будешь ждать меня? – уже с весельем в голосе спросил Коля. Никита ответил без тени улыбки:

– Всегда.

И у Никиты появилась неподдельная радость на лице. Я же с остальными ребятами отстал от Никиты метров на шестьдесят. Приблизившись к дереву, я увидел красивое величавое дерево. Береза уже простояла здесь не один десяток лет, и друзьям казалось, что так будет всегда. Ее корни впивались в холм, как ухватившая землю пятерня, и мне казалось, что, даже если великан схватит дерево за верхушку, он все равно не сможет вырвать его, а лишь покачнет холм,

и вместе с ним всю землю, которая повиснет на корнях дерева как будто шарик на веревочке. Мы чувствовали себя защищенными возле этой березы: дерево не могло скрывать в себе опасность, оно выполняло глубокое, с точки зрения друзей, обозначение силы. Мои глаза закрывались, когда я прикасался пальцами и ощущал своей рукой кору дерева. Наклонившись вперед, я оперся коленом о землю, пытаюсь разглядеть нашу деревню. Ветер трепал мои волосы, то и дело приходилось их приглаживать. Находясь на уклоне холма, я вдруг понял сущность мира, который соединял друзей вопреки всем обидам. И по привычке погрузился в поток своих мыслей. Мгновение словно остановилось, я почувствовал, как хлопковая рубашка колеблется вокруг рук, ощутил прикосновение солнца к векам, нарастание облегчения с такой силой повлекшая меня вверх, что я даже крепче уперся в землю сандалиями, чтобы меня, вдруг ставшего невесомым, не унес ветер. Это было внезапное чувство независимости и безопасности. В моей памяти закрепился образ, когда я, оглянувшись через плечо, заметил, что Никита смотрит не вдаль, а на меня, его взгляд был прямым и улыбчивым. Он, увидев удобное место, неспешно сделал шаг в мою сторону и также медленно занял это место. Но все же издали дерево выглядело как-то по-особенному завораживающе.

В один из летних дней, когда мне было около десяти лет. В пятничный день мы с друзьями отправились на реку пешком за несколько километров от дома. Взяв с собой обед, только что выкопанную картошку, рыболовные принадлежности мы выдвинулись в путь. Смеясь и весело отвлекая друг друга, мы шли по узкой тропинке. Так и не встретив никого на безлюдных, по случаю обеда или полуденного отдыха дорогах, и на берегах светлой и тихой реки, оставленных даже рыбаками, лишь одиноко скользили и плыли по чистому небу ленивые облака. Всю дорогу мы в свое удовольствие поедали яблоки, сорванные утром в соседском саду. Подавали руку помощи друг другу, чтобы перебраться через встречаемые на нашем пути препятствия. Друзья не упускали не единой возможности на проявление товарищеских чувств к друг другу. Наградой для нас служила уверенность на взаимную помощь. Уже ближе к жарким полуденным часам я видел, как дуновение ветра, рождавшегося где-то на самом горизонте, пригибает к земле колосившуюся пшеницу на дальних полях, волной разливается по всей бесконечной равнине и, обдавая теплом, с мягким шорохом ложится у моих ног, между лабазником и кровохлебкой, эта общая для нас равнина, казалось, сближала нас и соединяла. Недалеко отдаваясь в гулком воздухе характерном для жаркой погоды, был слышен топот копыт гулко колотящих по земле, мычанье коров и лай собак, который, казалось, каскадом рассыпал далеко кругом. Как мы догадались, это перегоняют табун коров пастухи на новое пастбище.

Не последнее место занимало времяпровождение у костра с испеченной в нем картошкой в нашей походной жизни под удивительные истории, рассказываемые Сергеем. Мы любили слушать его. Этот отрезок времени служил мостиком, который соединял наши дни и ночи. Тогда на лесной поляне Сергей рассказывал нам о том, что мы будем делать, когда вырастем. Его слова ослепляли сильнее, чем солнце. Я внимал его с восхищением и удивлением. Однажды нам всем предстояло узнать, что каждое слово имеет свой смысл. А, слышали бы вы какой у него слог какие он истории и рассказы может сочинять претендующие на зачатки художественного творчества. В течение своей жизни я был знаком со многими людьми, которые каждое событие своей жизни любят обрисовывать красками и создавать книжную атмосферу, кто-то даже устно такие истории излагает и тут же выпаливает их единым духом. С восхитительным совершенством подражал он Жану Маре из фильма «Фантомас». Даже уморительную гнусавость определенных актеров он производил без особого усилия. Невозможно было не обратить свое внимание на это сходство. Местами он употреблял слова, казалось, заключающие в себе определенную точку зрения относительно какой-нибудь важной темы. А из чувств и впечатлений, из своего сознания, он мгновенно создавал сложные перипетии, которые разумным своим развитием способны были, в определенный момент, поставить соответствующий персонаж в такое положение перед нами, что тот либо привлекал нашу любовь, либо пробуж-

дал ее. Про таких людей мы говорим индивидуальность, обаяние, изысканность, сила, и затем однажды мы даем отчет себе, что сочетание всего этого как раз и есть талант. А к вечеру где-либо возле лесной реки Сергей садился у костра и рядом с ним присаживалась тишина. При необходимости он вставал не спеша, все его движения были беспечными. Он ходил вдоль нас, двигаясь очень медленно, подолгу задерживаясь перед каждым. Его огромный запас жизненной энергии, ощущал необходимость, подобно пушенному волчку, расходовать ее во всех направлениях. Две вещи были в равной степени не под силу для него: замереть на месте и двигаться без цели. При желании он большими шагами за несколько секунд преодолевал расстояние, отделяющее его от костра. Бывало я испытывал разочарованность, когда он продлевал нить своего рассказа. Всякий раз, когда он говорил о предмете, красота которого держалась от меня скрытой, – о березовых лесах, о дожде, о Московском Кремле, потом вдруг какой-нибудь его образ освещал эту красоту и позволял мне ее принять. Я вновь отметил особенность улыбки Сергея этим вечером, когда мы находились возле разведенного в лесу костра. Свет пламени ограждал нас кривым движущимся забором, в котором небесными звездами сверкали кусочки недогоревших ветвей. Его рука со складным ножом замерла над картошкой, с наспех сконструированным нами походным столе. Нахмутив брови, он копался в своих воспоминаниях для новых рассказов. Сергей обладал каштановыми волосами, большими светлыми глазами романтика и бледной кожей. И невероятно много читал. Утолить жажду чтения ему во многом помогало то, что он был записан в библиотеке. Он признавал только действие и жил этим. Вероятно, именно поэтому между нами сложились довольно необычные отношения дружбы и соперничества. А, ведь ему было около пятнадцати лет, а мне почти десять, а точнее, всего лишь девять полных лет. Наблюдая внимательно за скачущими языками пламени костра, мы продолжали разговаривать, а река скрывалась в плотной тьме, и небо казалось светлее, чем земля. Несколько раз мы так засиживались, что я внезапно замечал: небо меркнет, река светлеет, и едва мы успеем сказать друг другу еще несколько слов, рассветает. Мне в то время казалось, что не будет конца радости, которую приносил с собой нам каждый день. В то время мы уплывали в мечтах и наяву. Было все в наших отношениях по-детски непосредственное и неподдельное.

Ребята становились старше, увлекая во взрослую жизнь только воспоминания и способность дружить. Давние истории многое значили для меня, легкое касание печали, где-то внутри капля боли, поспешно скользили словно по оконному стеклу, оставляли за собой след в форме вопросительного знака. Я не хотел, чтобы с детскими воспоминаниями было связано что-нибудь печальное. Помню, когда в первый раз мы увидели, как Сергей прошел мимо нас и, не прерывая разговора со своей спутницей, сделал нам уголком своего глаза едва заметный знак, который весь был заключен, если можно так сказать, в границах его век и, поскольку не создал ни малейшего движения его лицевых мышц, мог остаться совершенно неуиденным его собеседницей. Но, стремясь наградить насыщенностью чувства поля зрения, в котором чувство это обретало свое выражение, он оставил маленькую шелку, рассчитанную для нас, лучиться такой живой дружелюбностью, что она перешла пределы простой радости и граничила с ловкостью. Дружественное отношение к нам он довел до подмигиваний, намеков, условных знаков, понятных лишь участникам заговора, и, наконец, уверения в дружбе возвысил до подтверждения нежных чувств, незаметной для шедшей рядом с ним девушки.

Я любил все, относившиеся к моему детству, каждый из прежних дней для нас, счастливых и чистых детей, был заполнен ясным и ослепительным солнечным светом. Добрые и теплые воспоминания остались о тех днях. Радость появлялась от простых и естественных ощущений своих действий в познаваемом мной мире, будь то удивительное вечернее купание в реке или катание по лесу на велосипеде. Упивайтесь силой и красотой своей юности, пока жизнь вам по вкусу, где каждый следующий день дает новые познания и открытия не превращая жизнь в повседневную серость затирающие ее яркие краски. У меня было много любопытства

к жизни. Честно говоря, не думаю, что я чувствовал подобную свободу и радость за последние лет так десять. Десять лет людской жизни – немалый период, оглянуться назад на десятилетие, все это было как будто вчера. Что же случилось? В минуты моих размышлений на мое лицо опускается тень грусти, наполняя меня тоской по несбыточным путешествиям в прошлое. На жизненном пути все со временем становится явственно, обычно и привычно, глаз замыливается, и исчезают изначальные цвета. Постепенно перестаешь представлять себе более высокие смыслы. Почему со временем все краски жизни утрачивают яркость, и легкая безмятежность сменяется тревожной озабоченностью? Оттого что с возрастом число проблем увеличивается? Нет, потому что, взрослея, человек обретает склонность выражать отрицательное отношение. Отрицательное отношение – более сильное чувство, чем просто удовольствие от уюта и спокойствия. Не понимая, что сейчас он все-таки счастлив, человек требует от мира большего.

Беда современного человека, сентиментально порывав на выпускном вечере, каждый начинает считать себя взрослым, не думая о том, что вся его взрослость состоит из того, что он забыл себя самого и собственное детство. Дети хоть и рвутся побыстрее вырасти, но не могут представить себе взрослую жизнь, а повзрослев, зачастую перебирают старые фотографии, читают записи, оставленные в своих юношеских тетрадях и дневниках, рассматривают свои детские поделки, оставленные на память. Следует ностальгия по свежести чувств, непринужденности, энергичности и простоте, свойственных детству. В то же время с этим чувством более четко видишь ту высоту, на которую ты успел вырасти за прошедшую жизнь, многому научившись и многое познав, а оттого испытываешь еще больше умиления от тех своих черт, которые потерял, взрослея. Можно ли все вернуть обратно? И ощущение детской безмятежности, и вкус мороженого из юности, и чувство чего-то нового, и веру в лучшее, и удовольствие жизнью? Сделать это довольно просто. Каким вы сделаете свое мировосприятие, таким и будет окружающий мир вокруг вас. Я думаю, что известный американский вирусолог Джонас Солк выразил мысли людей, которым свойственно приобретать страхи по мере взросления лучше всех, написав – «У меня были и мечты, и страхи. Я преодолел свои страхи, благодаря своим мечтам». Следует найти в себе желание возвратиться к своим мечтам.

Возможно повзрослев и начав вести себя так, как ведут себя многие взрослые, я лишился мечтаний. А, может быть я утерял их, когда пошел служить в армию и стал вести себя так, как положено вести себя военнослужащему? Крутая перемена в моей жизни ускорила разлуку с родителями. Все началось с нескольких огоньков. К крышам вагонов тянулись голые ветви, на них корбились последние сухие листья; поднимавшиеся в вагоны пассажиры были укутаны в куртки и шарфы. Поезд увлек новобранцев с собой в неизвестную даль. Вагон качало, стеклянные кружки на столе звякали. Рельсы неслись навстречу нам как два ручья, выпавшие из единой точки где-то за небосклоном. Налетавшие спереди шпалы превращались под колесами в распространяющийся гладкий поток. По обе стороны поезда земля была еще голой и черной и стала расплывчатой полосой. Деревья и столбы в то же время выскакивали навстречу и так же резко отлетали назад. Снаружи задувал холодный ветер, безлюдное поле растянулось под небом. Звездное небо в окнах вздрагивало, и казалось, звезды тоже вздрагивают, сталкиваясь друг о друга. Ночная тьма шелестела сухой травой. Звук проходил пространство, не оставляя в нем ничего, кроме неизвестности и сдерживаемого порыва. Где-то на краю сознания, музыкой, стучали колеса поезда. Они выбивали ровный ритм, выделяя каждый второй удар, словно выражая тем самым осознанную цель. Я мог расслабиться, потому что слышал стук колес. Я внимал мелодию, думая: почему должны крутиться колеса, куда они везут нас? Чуть заметная полоска земли за окном теперь летела быстрее, превращаясь в черный ручей. На нашем пути были остановки, станции, которые мы миновали. Чем дальше мы отъезжали от дома, тем сильнее ощущалось чувство решимости, надежды и скрытого волнения. Легкий сдавленный вздох, долетевший со стороны моего соседа Анатолия, свидетельствовал

о чуть было не сорвавшемся с его губ вопле тревоги. Но разум его не ведал пауз. Обломки мыслей проносились сквозь него, точно также, как и мерцавшие за окнами деревья возле дороги. Первая ночь всегда самая тяжелая. Это крайний бросок разрыва с воспоминаниями, весьма неприятный. Периодически в последующие дни он стал говорить себе, что вот прошел еще один осенний день, и заставлял себя взглянуть на небо и деревья. Такие мысли медлительные и бесконечные словно абзац на несколько страниц наседали на него и составляли отныне суть его новой жизни. После я отметил что тревога лишила его дара речи. Я был внимателен и замечал проявление чужих эмоций, они ярким фонариком освещали темную и неизведанную область чужой личности, отмечая ранимые места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.